

Н. Ф. БУНАКОВ

«Губернские очерки».

**Из записок отставного надворного советника Щедрина.
Собрал и издал М. Е. Салтыков. М., 1857**

<Фрагменты>

Нет ничего труднее, как произносить критический суд над книгами, которые, вследствие каких-либо особенных обстоятельств, совершенно не касающихся литературы, сразу обратили на себя всеобщее внимание публики и, таким образом, как бы застраховали себя наперед от всякого критического разбора. Успех книги в обществе, толки, которые она возбуждает, расход ее в большом количестве экземпляров — все это такие, по-видимому, неоспоримые аргументы, говорящие в пользу книги, что малейшее сомнение в ее достоинствах может показаться пристрастным, недобросовестным, подозрительным. А между тем все эти аргументы, при всей их кажущейся неоспоримости, не всегда составляют доказательство истинного достоинства книги. Минутный успех, всеобщие толки, огромный расход экземпляров — все это может сопровождать и такие произведения литературы, которые та же самая публика относит, впоследствии в разряд второстепенных или даже предает совершенному забвению. История литературы представляет нам бесчисленное множество примеров, как иногда самые пустые книжонки пользовались громадным успехом минуты и, наоборот, величайшие создания гениев долгое время лежали в пыли, не пользовались даже просто известностью. Стоит только припомнить Шекспира, забытого Европой на целое XVII столетие, и Коцебу, собиравшего всеобщие рукоплескания своими бездарными комедиями.

На что молода наша русская литература, а и она сколько уж успела представить слинявших знаменитостей и поздно оцененных достоинств. <...>

Наученный этими примерами критик не должен восхищаться каким-нибудь новым сочинением только потому, что о нем кричит вся публика; но, с другой стороны, он неправильно поступит и тогда,

когда осудит его без внимательного разбора или пройдет его обидным равнодушием, успокоившись тем, что оно не произвело в обществе благоприятного впечатления.

Вот в этом-то своего рода стоицизме и заключается главная трудность дела критики, когда идет речь о произведении, которому уже достались на долю внешние признаки истинного достоинства. Положим, что у критика и хватило бы достаточно смелости, чтоб подать беспристрастный голос в говоре всеобщего хваления; положим, что он не побоялся бы насмешек, упреков в близорукости, двусмысленных и тому подобных манифестаций, на которые всегда готова торжествующая сторона; но где ему взять сил для того, чтоб умственно оторваться от среды, в которой он живет и действует? Где возможность подняться над интересами времени, чтоб прозреть в будущее и с высоты его осудить настоящее? Где тот непогрешительный критерий, на основании которого он может сказать современникам: «Вы заблуждаетесь, восхищаясь таким-то или другим произведением»?

Теории? Но ведь теории сами не что иное, как произведения времени. И если каждая новая эпоха несет с собой новые условия жизни, если жизнь — действительно *развитие*, то как решиться приступить к современному произведению с требованиями, возникшими из условия и потребностей иной эпохи? Как судить Бомарше по теории Буало или Гоголя — по теории романтиков? Как предположить, что та теория, которая кажется нам верною, есть именно истинная и непогрешительная, когда мы уже исторически знаем падение множества теорий, считавшихся в свое время истинными и непогрешительными?

Нравственные принципы? Но эти принципы гораздо слышнее в голосе целого общества, нежели в личных суждениях, ибо нравственный принцип вырабатывается многосложным механизмом всей общественной жизни, а не отдельными личностями. Стало быть, обращаясь к произведению от лица нравственных принципов, критик или только повторит то, что произнесено уже прежде него целым обществом, или же скажет такое слово, которое раздастся праздно, как глас вопиющего в пустыне. Общество и не судит иначе, как на основании нравственного принципа, бессознательно или сознательно, но неизбежно в нем развивающегося. Его приговор — непременно выражение нравственного начала, разумеется, на той ступени, до которой общество доросло в данную минуту.

Из всего этого следует, что хвалить или порицать какое-нибудь произведение во имя какой бы то ни было теории или нравственных

принципов — дело почти решительно бесплодное. Что ни говори критика, во всяком случае успех или неуспех сочинения (я предполагаю успех в целом обществе, а не в каком-нибудь узеньком кружке) будет стоять перед нашими глазами, как неотразимый *факт*, требующий объяснения и гораздо более занимательный, нежели всякие критические разборы. Время возьмет свое: произведение будет оценено по достоинству и займет свое законное место в литературе; но эта оценка будет плодом целостного развития общества, а не следствием только критического разбора, как бы он хорош ни был, и перед нами опять будет стоять другой *факт*, имеющий также высокую занимательность и могущий повести к весьма важным размышлениям о состоянии того общества, в котором этот факт оказывается.

Да не в том и состоит дело серьезной критики, чтоб хвалить или осуждать. Критик — не учитель, который поправляет упражнения учеников, имея в виду усовершенствование их слога или развитие их мыслительной способности. Не его обязанность руководить литераторов или публику своими советами. Бесплезность этих советов уже окончательно признана в наше время. Я не стал бы и говорить об этом, если бы к понятию «критики» не примешивалось, к сожалению, еще и в наше время, в известной степени понятие похвалы и порицания. Приступая к разбору «Губернских очерков», мне бы хотелось совершенно отклонить читателей этой статьи от всякой мысли найти в ней похвалу или осуждение. Не с тем принимаюсь я за этот разбор, чтоб указывать ошибки автора или несостоятельность его «Очерков» перед судом художественной теории; не имею притязания становиться выше публики и голосом педагога спрашивать ее, как она смела восхищаться сочинением, не удовлетворяющим законам строгого искусства; не стану также и навязывать насильственно этому сочинению таких художественных достоинств, которые бы оправдывали успех его в глазах присяжных теоретиков, — нет, я постараюсь взглянуть на эту книгу *как на факт в истории нашего общественного развития* и, по возможности, объяснить его. Признаюсь, мне кажется, что гораздо больше значения имеет *появление такой книги* в наше время, нежели самая книга; гораздо больше ее громадный успех в нашей публике, нежели ее безотносительные достоинства; наконец, гораздо больше личность самого автора, прорывающаяся в некоторых местах «Записок», нежели все те *случаи*, которые он записывал.

<...> ...должен сказать, что в «Очерках» г. Щедрина прежде всего недостает... как бы вы думали, чего? — *правды*. Да, критика *должна* это сказать, не обращая внимания на крики, которые могут

на нее подняться со стороны безусловных поклонников г. Щедрина; она уронит свое достоинство, она войдет в противоречие с самыми основными законами искусства, если не осмелится объявить этого, опасаясь поверхностного суда, который именно в правдивости-то и нашел будто бы главное достоинство «Губернских очерков». Но это достоинство приписано им необдуманно; сто́ит только вникнуть в сущность этого сочинения, чтоб открыть, что в нем не только нет правды, но она даже и не нужна для объяснения его необыкновенного успеха.

И вот уже я слышу раздающиеся вокруг меня крики негодования: «Да что вы? да как это? да неужели же г. Щедрин обманывает публику? да разве не бывает у нас тех гадостей, которые он описывает в своей книге? да разве вы сами не видели никогда подобных случаев? да откуда вы приехали? уж не с девятой ли версты?» и пр., и пр., и пр. <...>

...в «Очерках» г. Щедрина нет правды, т. е. в них нет того, что называется в литературных произведениях правдой или, вернее, что должно называться правдой; другими словами: вся правда, какая в них встречается, не есть собственно правда и не имеет права называться правдою.

В самом деле, что такое большая часть «Очерков»? — Случаи из действительной жизни, рассказанные очень умно и занимательно, но все же не более, как *случаи*, которые могли быть, могли и не быть. Все эти проделки и плутни подъячих, уездных врачей, городничих и тому подобных чиновников, составляющие содержание большей части «Очерков», положим, действительно *бывают* у нас; положим, мы с удовольствием читаем рассказ о них человека бывалого, следователя, которому эти дела должны быть хорошо известны, но не можем из этих рассказов вывести никакого заключения. Во всей книге нет почти ни одного *типа*, который бы оставался ясно и отчетливо в душе читателя; почти ни одного рассказа, который бы запечатлен был внутреннею правдой так, чтобы в уме читающего не оставалось и тени сомнения, что рассказанное событие могло совершиться как-нибудь иначе. Из книги г. Щедрина мы узнаем только, что вот какие у нас водятся злоупотребления чиновнических обязанностей, вот как обделываются иногда дела и т. д. Но почему все это делается так, а не иначе — на этот вопрос книга г. Щедрина не дает никакого ответа. Предмет не захвачен глубоко, не проникнут идеей, а предстает перед нашими глазами в виде голого, ничего не говорящего факта. По содержанию своему эта книга принадлежит к тому разряду книг, к которому относятся «Открытия тайнства карточной игры»

и т. п. сочинения. Ее следовало бы, собственно, назвать: «Открытые плутни русских чиновников» — вот и все ее значение.

Вот почему я и говорю, что в «Губернских очерках» нет правды. Случай, взятый из действительной жизни и перенесенный в литературное произведение, тогда только становится правдой в истинном смысле этого слова, когда проникнут идеей, которая одна может дать ему смысл и значение, скрепить между собою подробности события и осветить их надлежащим образом. Без идеи факт, как бы он справедлив ни был, остается не больше как случайностью, не имеющею никакого значения и не допускающей никаких выводов. Что следует, например, из того, что такой-то Иван Петрович вынудил какого-то фабриканта заплатить ему даром три тысячи, настраивая его тем, что он приехал спускать его пруд, чтоб отыскивать в нем мертвое тело, будто бы туда попавшее? Какое заключение выведете вы из того, что такой-то Фейер (городничий) взял с родственников другого купца взятку за то, что позволил им похоронить этого купца в мундире, которого он не выслужил? Какой в этом смысл, какое значение? Во всех подобных рассказах столько же значения, сколько в рассказе о том, что на Лубянской площади сгорел балаган среди белого дня или что в подмосковном селе Котлах найдена мамонтовая кость. И эти последние случаи такая же правда, как те, про которые рассказывает нам г. Щедрин в своих «Записках». Но они — правда до тех только пор, пока не вырваны из действительности; перенесите же их целиком в поэзию, они теряют всякое значение, ибо не представляют никакого смысла. Действительность не иное что, как собрание сырого материала для художников: в ней нет типов; она — гиероглиф, который еще должна разгадывать человеческая проницательность. И когда эта проницательность откроет смысл того или другого гиероглифа, тогда открытие это может быть названо правдой или неправдой. А пока гиероглиф остается гиероглифом, он не есть ни правда ни неправда; он не больше, как факт, *материал* для мышления. Правдой или неправдой можно называть только идею, мысль, суждение.

Теперь, кажется, понятно, что, отказывая «Очеркам» г. Щедрина в названии правды, я вовсе не думал отрицать действительное существование фактов, какие в них находятся, а хотел только сказать, что факты, собранные г. Щедриным, большею частью так и остались голыми фактами, не проникнутыми мыслью, сырым материалом, который еще ждет своего художника. Нельзя не отдать справедливости г. Щедрину: его память хранит много фактов, и между этими фактами есть чрезвычайно любопытные, но Гоголь, надобно думать,

не то сделал бы из этих фактов. Лица у него превратились бы в типы, события — в прозрачные формы, освещенные глубоким смыслом. Если б г. Щедрин сделал это, мы не стали бы говорить, что в его «Очерках» нет правды. В теперешнем же своем виде, не будучи выведены из сферы случайности, они не имеют права называться правдой в истинном смысле этого слова.

До сих пор я говорил только о *лицах и событиях*, встречающихся в «Губернских очерках». Утверждая, что они *почти* все случайны, сыры, не проникнуты идеей, я должен оговориться, что некоторые из очерков справедливость требует исключить из этого приговора. Самое блистательное исключение составляет Порфирий Петрович — лицо, очерченное автором превосходно. Я еще поговорю впоследствии об этом очерке, а теперь возвращаюсь к начатому делу.

Кроме лиц и событий, о которых рассказывает г. Щедрин, почти в каждом его очерке встречаются и собственные его *мысли*, высказанные или от лица автора, или устами выводимых им лиц, но и в этом случае, несомненно, принадлежащие ему самому, как это сейчас видно по заметному на них отпечатку его личности. Эти мысли представляют собою плод обширной и глубокой наблюдательности и обличают в г. Щедрине полное знакомство с делом. Перечислить все его верные заметки, все справедливые рассуждения и меткие наблюдения решительно нет никакой возможности: они попадают на каждой почти странице. Чтоб читатели знали, о каких именно заметках и наблюдениях мы говорим, приведем на выдержку хоть два-три, предупреждая читателей, что нам попадутся, может быть, и не самые замечательные.

Дмитрий Борисыч Желваков, городничий Черноборска, ждет к себе на вечер ревизора и готовит для него «приличную» партию. Эту партию составили: «Михаил Трофимович Сертуков, окружной начальник, молодой человек, образованный и с направлением; ассессор палаты, Кшеншицульский, тоже образованный и с направлением, и, наконец, той же палаты чиновник особых поручений Пшикшецульский, не столько образованный, сколько с направлением. *Все они согласны играть во что угодно и по сколько угодно.*

— Господи! *кабы не было хозяйственных управлений!* — говорит про себя Дмитрий Борисыч: — пропала бы моя головушка.

И второпях, с размаху останавливается перед уездным судьей, скромно сидящим в углу, и, задумавшись, рассуждает во всеуслышание:

— Что если б все этикие-то были! Вот он какой убогий! Нищему даже подать нечего!»

Как хотите, это говорит не Дмитрий Борисыч, а сам автор. Дмитрию Борисычу, во-первых, не до того, чтоб рассуждать о выгодах, получаемых чиновниками хозяйственных управлений, и о сравнительной невыгодности собственно судебной части, рассуждать в ту критическую минуту, когда у него на носу ревизор, который притом уже успел задать ему и головомоюку за употребление пожарных лошадей по домашним надобностям; а во-вторых, Дмитрия Борисыча и сам автор описал в начале «Очерка» («Неприятное посещение») человеком, вовсе неспособным на такие тонкие замечания.

<...>

Особенно много любопытных и дельных замечаний высказывает г. Щедрина в «Очерке», носящем название «Что такое коммерция?». Тут, через посредство купца Ижбурдина, он раскрывает такие вещи, про которые, конечно, ни один благоразумный подрядчик публично рассказывать не станет.

Очень много верных и прекрасных мыслей разбросано также в очерке «Скука», заключающем первую часть книги.

Если б я захотел указывать все замечательные размышления г. Щедрина о разных сторонах жизни вообще и в особенности русской, которая ему так хорошо известна, мне пришлось бы выписать целые страницы из некоторых очерков. Вместо этого укажу только на окончание очерка «Неумелые», на весь очерк под названием «Надорванные», на первые страницы «Первого шага», на окончание «Дороги». И этим я укажу еще далеко не все, заслуживающее внимания в книге г. Щедрина, а только лучшее, что мне пришло на память.

Но все эти прекрасные размышления, тонкие заметки, практические наблюдения стоят в «Записках» г. Щедрина совершенным образом и резко выделяются среди рассказов о разных человеческих проделках и описаний разных личностей, какие случалось встречать автору. Между этими размышлениями и самими «Очерками» не существует неразрывной связи. Мысли г. Щедрина не сливаются с теми фигурами, которые он нам рисует. Они стоят сами по себе, а фигуры — сами по себе. Ум и сердце украсили его «Записки» прекрасными, благородными чувствованиями и размышлениями; его память вынесла на свет множество чрезвычайно любопытных анекдотов и интересных личностей; но между этими анекдотами и размышлениями не прошла фантазия, которая делает событие прозрачным выражением мысли, а мыслям дает плоть и кровь посредством события. Вследствие этого, мысли г. Щедрина, при всей их справедливости, представляются не более как субъективными впечатлениями, в которых не столько рисуется действительность,

сколько сам мыслящий, и которым поэтому можно и верить и не верить. Не нашедши себе воплощения в образах, они через это самое потеряли значительную долю своей истинности. Если мы верим им, то верим только на́ слово, уважая в авторе качество следователя, дававшее ему возможность многое видеть, и благородную личность, которой не было надобности искажать события.

Мы рассмотрели два элемента, входящие в состав «Губернских очерков»: размышления автора и его рассказы. Разбор тех и других привел нас к тому заключению, что мыслям автора недостает образов, а образам, хранящимся в его памяти, недостает идей. Теперь, кажется, совершенно должно быть понятно, почему я в начале своей статьи сказал, что в этих «Очерках» нет правды. Я разумел правду внутреннюю, объективную правду, а не одно согласие с случайной действительностью. В них нет этой правды потому, что мысль, не воплотившаяся в образе, требует еще доказательств и, следовательно, не может считаться истиной, пока они не будут представлены; а образ, не осмысленный идеей, не имеет никакого значения, не допускает никаких выводов и есть не больше как случайный факт, которого нельзя называть ни правдой, ни неправдой.

Теперь несколько слов о Порфирии Петровиче, составляющем, как я сказал выше, блистательное исключение между лицами, выведенными у г. Щедрина. Заметно, что автору самому хотелось осмыслить разные анекдоты из чиновнического быта, которые хранила его память. Так, в очерке «Первый шаг», рассказывая о проделке, придуманной чиновниками, чтоб взять деньги с одного раскольника, автор обстановкаливает главное действующее лицо этой комедии разными обстоятельствами, располагающими нас в его пользу, предпосылает проступку изображение крайней нищеты этого чиновника, как бы желая этим сказать, что источник разных нечистых дел заключается в недостаточности окладов низших инстанций — мысль старая и притом заметно пришитая к делу белыми нитками, а на первом-то плане все-таки остается анекдот, проделка, случай... Точно так же пытался, кажется, г. Щедрин возвести в тип и личность «злющего» городничего Фейера и с этой целью поместил в рассказ о его подвигах с купцами и с «губернией» несколько слов о его прежней жизни и об отношениях к некоторой Каролинхен (см. *второй рассказ подьячего*): но и ухарская жизнь Фейера в молодости и эта Каролинхен, которую подьячий называет «девица не девица, а просто мадам», как-то плохо вяжутся с действиями Фейера, составляющими настоящий предмет очерка. Есть что-то похожее на тип в лице Перегоренского, являющегося в книге два

раза: один раз в приемной у ревизора (см. «Неприятное посещение»), другой — в остроге; но этому лицу недостает определенности, чтоб быть вполне типическим. То же должно сказать и о Филоверитове, которого г. Щедрин отнес почему-то к разряду «Надорванных». Больше жизни и определенности оказывается в лице доброй Пелагеи Ивановны, чувствующей особенное сострадание к «несчастливым» (см. очерк «Христос воскрес», во 2 части). Но всего удачнее вышел очерк Порфирия Петровича, этого почтенного человека, *казенных денег не расточающего, свои берегущего, чужих не желающего*.

Порфирий Петрович — это одна из тех низких натур, которые, вступая в службу без всяких нравственных принципов, смотрят на нее чисто как на спекуляцию и, не разбирая средств, разными пронырствами добиваются, наконец, теплого местечка с так называемыми «безгрешными» доходами, на котором и проводят спокойно свою старость, окруженные нелицемерным уважением близоруких сограждан. Такие люди — не выдумка праздного воображения и не случайные явления: они встречаются на каждом шагу и суть неизбежный плод незрелости нашего общества, которое еще уважает богатство, несмотря на средства, какими оно приобретено, — чин, не обращая внимания на то, за какие заслуги он получен, наконец, — место, занимаемое человеком, не разбирая того, понимает ли этот человек и исполняет ли обязанности, соединенные с занимаемым им местом, или только «числится» и пользуется почетом, предоставляя работать за себя другим.

Лицо Порфирия Петровича вышло у г. Щедрина необыкновенно рельефно и ясно. Изображая его, он почти не рассказывает анекдотов, а только рисует человека. Отсутствие нравственных начал в этом будущем украшении Крутогорска превосходно подготавливается примером пьяницы-отца и безнравственной матери, оставивших в сыне глубокие следы, когда еще он был не Порфирием Петровичем, а Порфиркой. Тут же возникло в нем и неодолимое желание зашибить копейку, которое необходимо должно было развиться при беспрестанных разговорах о деньгах, которые были неизбежны в подобном семействе. «Отец ли пьяный проспится — все хнычет, что денег нет; мать к *благодетелю* пристаёт — все деньгами попрекает». Похождения Порфирия Петровича, начиная от первого, спрятанного им в тряпочку гривенника до самого получения местечка с безгрешными доходами и приобретения всеобщего уважения, «честная» проделка с исправником, приобретение неограниченного доверия губернатора «невинными» средствами, контрибуция с исправником, женитьба — все это ведено превосходно. Одно действие

вытекает из другого и каждое из них служит к разъяснению характера, объясняясь в то же время само характером. Нет ничего лишнего, ничего случайного, и в то же время личность очерчена вполне. Автор далее не рассказывает нам, какими способами получил Порфирий Петрович желаемое место: способы подразумеваются сами собою, и читатель не чувствует при этом ни малейшего пробела. В нем возбужден не анекдотический интерес (какой возбуждается, большею частью, другими «очерками» г. Щедрина), а интерес более высокий. Тут изображен не только человек, но и самая атмосфера, в какой должны непременно зарождаться подобные люди: читатель почти забывает о Порфирии Петровиче и невольно задумывается над судьбою общества, в условиях своей жизни носящего возможность и неизбежность таких людей, как Порфирий Петрович. Не говорю уже о том, что сам Порфирий Петрович мечется перед глазами как живой. Вы его видите. Вот он, этот «милый» Порфирий Петрович, который, по мнению батальонного командира, был бы и отличным губернатором, если б только прибавить ему немножко роста, который, хотя не поет и не играет ни на каком инструменте, но мог бы и петь и играть, если б только захотел, как твердо убеждены все чиновники и все знакомые его. Вот он с своею позой, полною достоинства, с своими уклончивыми суждениями, с своею тихой, деликатной речью. Заключу словами, которыми автор начинает этот превосходный очерк: «Если вы не знакомы с Порфирием Петровичем, то советую как можно скорее исправить эту опрометчивость».

Отчего же только Порфирий Петрович вышел у г. Щедрина таким оконченным, типическим лицом, когда все другие лица его очерков представляются не более как смутными отражениями действительности или совершенно случайными фигурами, интересующими своею большею или меньшею исключительностью, но не имеющими почти никакого общего значения? Кажется, это произошло оттого, что Порфирий Петрович — собственно вариация на тему, уже разграниченную великим художником. Порфирий Петрович не иное что, как Чичиков, достигший конечной цели своих желаний. Главные пункты, чрез которые должны проходить подобные люди, уже намечены Гоголем. Г. Щедрина приходилось почти только повторять. Его описание детства Порфирия Петровича сильно напоминает детство Павла Ивановича; дальнейшие его подвиги на службе совершаются в том же характере, в каком подвизался и Павел Иванович. Порфирий Петрович точно так же старается на первых порах прославиться бескорыстием, чтоб потом легче грабить. Даже фамию всеобщего уважения, которым пользуется Порфирий Петрович в награду своих

«праведных» трудов, уже поднесен в некоторой степени и Гоголем своему герою. По всему видно, что г. Щедрин не родной, а только крестный отец Порфирия Петровича.

Г. Щедрин не владеет самобытным творчеством. Но, взамен того, у него есть много прекрасных качеств, которые дают ему одно из самых почетных мест между нашими беллетристами. Ему неоспоримо принадлежит сильная степень наблюдательности, услужливая память, сохраняющая резко и верно отпечатки виденного, мастерство рассказывать, ум бойкий и смелый, наконец, сердце благородное, сочувствующее высшим интересам времени. Нельзя не сказать, что местами проглядывает у него какая-то раздражительность, доходящая иногда до болезненной безнадежности; он на все смотрит иронически: и на преступление, и на следователя, и даже на современные толки об улучшениях. Эта ирония не всякому может понравиться, но для меня лично она придает его рассказам особенную прелесть.

Дело, однако ж, все-таки не в том. Хороши или нехороши «Губернские очерки», типичны или нетипичны выведенные в них лица, развиты или неразвиты высказанные в них мысли: во всяком случае, важно то, что в этом сочинении является чуть ли не в первый раз попытка разоблачить закулисную сторону нашей администрации. А еще важнее, что это разоблачение закулисной стороны администрации, по крайней мере, в низших ее инстанциях, является *в печати*. Это уже значительный факт в истории нашего общественного развития. Прежде чин и звание были оградой против всякого порицания; безнаказанность считалась равносильною невинности; теперь прежде всего требуется истинное достоинство, как единственное право на уважение, и бесчестный человек, ускользнувший от суда закона, предается суду общественного мнения. Обнародование таких злоупотреблений явно свидетельствует еще о том, что само правительство, давая голос литературе, делает ее проводником общественного мнения.

Еще замечательно то, что первым литератором, начавшим разоблачение закулисных тайн администрации, явился человек, который сам был действительным членом этой администрации. Этот факт показывает, во-первых, что в наше время есть чиновники, которые уже не смотрят на службу как на спекуляцию, а видят в ней служение общественному благоденствию; во-вторых, что теперь и для беллетриста нужно *знание*, потому что нет сомнения, что большею частью своего успеха г. Щедрин обязан своему знанию дела.

Наконец, самый успех книги подобного содержания есть также значительный факт в истории нашего общества. Он служит доказательством, что для публики уже прошло время легкой беллетристики

и что она охотнее занимается чтением дельных произведений. Пример г. Щедрина вызвал множество подражателей: гг. С-в, Т-н и другие встряхнули свою память, чтобы также порассказать читателям дремавшие в ней похождения чиновников, и их статьи читаются с жадностью, между тем как легкие рассказы, вроде «Сцен из армейской жизни» или «Губернских камелий», остаются у многих неразрезанными.

По всему видно, что и правительство, и публика, и литература требуют в наше время *знания, знания и знания*. Нам нужно прежде всего познакомиться с самими собой; мы слишком мало до этих пор себя знали. Пускай же знающие люди рассказывают нам все, что они знают. Пусть жизнь предстанет перед нами во всей ее наготе. Идеи выработаются впоследствии, и художественное представление жизни возникнет, как цвет образования.

А теперь пока это даже хорошо, что г. Щедрин не дает своим очеркам насильно-художественной обработки, т. е. не проводит в них никаких заранее приготовленных идей. Мы к этому еще не приготовлены. Жизненные идеи мы берем еще пока напрокат у наших соседей; из своей собственной жизни мы еще их не пробовали вырабатывать, потому что мы не знаем своей собственной жизни или знаем ее очень мало. Стало быть, проводить те или другие идеи в немногих фактах, только что начинающих перед нами раскрываться, значило бы навязывать нашей жизни то, чего, может быть, в ней нет. Положим, что отдельные мысли, какие нам приходят в голову, не воплощенные в образы, потребуют доказательств: но пусть и ищут доказательств. Положим, что отдельные факты не будут иметь значения и не дадут объективных истин: но пусть соберут как можно больше фактов, и тогда сама собой окажется правда. Только, ради Бога, не искажайте фактов, даже во имя каких бы то ни было идей: тогда можно смело поручиться, что правда как-нибудь выберется на свет, а вместе с этим явится и возможность художественных произведений, проникнутых этою правдой.

